

Александр Шмидт

ВСЛУХ И ПРО СЕБЯ

О МЕРЕ И ВЕРЕ

У кого-то прочитал о Вере и Мере у Хлебникова, как о «глубинной понятийной оппозиции». Вспомнил свою последнюю встречу с Ю. П. Кузнецовым. Это был конец 90-х. Почему-то заговорили о рифме. Юрий Поликарпович сказал: «Я зарифмовал огни-ноги, кто-то меня упрекнул, неточно, он конечно бы срифмовал по-солдатски ноги-сапоги». (Это Мера). Но поэзия – хождение голыми ногами по дышащим огнём углям. (Это – Вера). Если веришь – пройдёшь!

О 90-Х

Равенство в исполнении бесов станет рабством (Ф. М. Достоевский).
А неравенство в исполнении бесов, чем станет? Стало уже!

ДЕМБЕЛЬ

Запах свободы. Запах мазута, тепловозной гари, креозота и талого на апрельском солнце снега в каких-то дивных, неуловимых пропорциях. Запах неизведанных еще и не только железнодорожных путей. 1975 год. Стройбат. Байкальск.

СПУТНИКИ ВОТАНА

Проснулся от зловещего карканья.

Ничего хорошего не предвещает это ржавое:

Кар – кар – кар.

Кажется, смолкли все птичьи голоса, которые так ярко, отчетливо и отдельно звучат здесь по утрам.

Всех перебило, переорало это злобное соло спутников Вотана.

Жди беды.

ТЩЕТА

Сон. Комнаты, отсеки, углы. Какое-то бесконечное общежитие или постоянный двор. Женщины (много). С некоторыми я знаком по прошлым жизням. Был рад их снова встретить. Любовь. Секс. Всё всякий раз замечательно, но проходяще стремительно. И ничего не удержишь: всё мимо, неостановимо.

Каждый эпизод – жизнь, которая стремительно проходит, исчезает. Горечь коротких встреч и разлук и какая-то обречённость.

НЕДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Во сне кем-то «незнакомым» мне было сказано, что я недобрый человек. Я (хотя мне было неприятно) ответил:

– Да, я недобрый человек.

Что правда.

А я ведь часто лгу и во сне.

(Сон на 9 июня 2015 г.)

КАК БЫ

Два самых популярных проходных словечка – словца-паразита нашего времени, их особенно часто используют в обиходе:

«как бы» и «безумно».

Это так, наше время – безумно.

И мы как бы живём.

666

В начале двухтысячных в Москве в подворье Новодевичьего монастыря я увидел черный шестисотый мерседес. В снежной колее у колеса, в крови лежала раздавленная белая, как только что выпавший снег, голубка.

Я, не удивился, обнаружив на номере автомобиля цифры 666.

ЛАЗАРЬ

В вагоне берлинской подземки ехал человек средиземноморской внешности. Худой, смуглый, какой-то заветренный что ли. Уши и нос были у него заткнуты ватой. Казалось, что он совсем недавно сбросил библейские погребальные пелёны. Что-то серо-грязное лежало у его ног. Как этот ново-воскресший Лазарь оказался в гремящем вагоне, несущемся через европейскую ночь? Интересно, где его конечная остановка.

НА КЛАДБИЩЕ

Приснился Шах. Обнялись, я сказал: я очень по тебе скучаю. В вазочке на столе был жареный миндаль. Съел один орешек. Два протянул ему. Тут же соскользнул в другую сновидческую реальность. Толпа незнакомых людей. Я почему-то с лопатой. Кто-то из толпы спросил:

– Где живёшь, Саша?

Я откликнулся со смешком:

– На кладбище.

ДОРОГА К ГОРЕ

Сон. Нина в нарядном платье. Говорит: «Я покажу тебе дорогу к горе, на склонах её виноградники. Тебе предложено охранять их за высокую плату». (Что-то вроде 12 тысяч, так запомнилось).

Я говорю, подожди, мне только умыться надо, и я буду готов.

На 16 сентября 2014.

СТРЕКОЗЫ

Стрекозы с бантами сияющих крыльев. Выпускницы лета.

ДЕНЬ

День
Такой
чистый, хрустальный, звенящий,
Что хочется его назвать по-белорусски:
Дзень!

ПУЧОЧЕК ПОЛЫНКА

Пучочек полынка просила мама привезти
Из прошлой жизни
Из родимых мест
Так и сказала:
Пучочек полынка
Старухе ей заказан путь домой
Здесь дети внуки
Муж похоронен
Здесь на чужбине
Да и куда вернёшься
На месте дома
Только видимый ожог
Родного пепелища след
Но тревожит память
Горчащий
С рождения знакомый запах
Приволья и травы степной
Той самой
Что воспели в сказаниях в стихах
И летописец и поэт
Но мама не читала
О хане Отроке и его брате Сырчане
О том как
пучочек полынка
На родину вернул того
Кто родину забыл
Я стал ей пересказывать
Она меня остановила
Сказала коротко:
Я помню

Мамины советы (наросты на кости)

На убывание луны найти в степи кость. Провести крестообразно этой костью по наросту. Вернуть кость на то же место, где она лежала, в то же положение, уйти не оглядываясь.

РУССКИЙ ДЕД

Атрохов Семен Михайлович (1890, Семипалатинская губ., Семипалатинск, 1921), русский, образование: начальное, унтер-офицер, житель: Восточно-Казах-

станская обл., Семипалатинск. Арест: 1921.05.11, Семипалатинский губ. ЧК. Реаб. 1921.06.15 Коллегия Семипалатинского губ. ЧК, основание: Указ ПВС СССР от 1989.01.16 [Сведения ДКНБ РК по г. Алматы].

Деда продержали месяц в чрезвычайке, но не расстреляли, хотя его георгиевских крестов и унтера было более чем достаточно. По семейному преданию, начальник ЧК оказался его сослуживцем, которого он спас на фронте. Но этот месяц был настолько страшен, что как-то пережив его, дед спрятался «от ветра и государства» в семипалатинском бору и, сколько я помню, проработал все годы в лесничестве. На последней фотографии он в казённом френче с зелёными нашивками. К своим крестам он заслужил медаль за доблестный труд с профилем Сталина. Отца народов он не любил, к ужасу бабушки Стешы, в сердцах повторял: «Отец родной...», ставя в конце обращения предельно русское слово.

Для меня лучший русский человек – это мой дед, переживший первую империалистическую, революцию, все прелести коллективизации, голод, потерявший сына – дядю Колю в 1943 под Ленинградом и не озлобившийся, принявший нас своих внуков – немчурят, любящий нас. Помню, как он зимой приезжал на санях-розвальнях. У него всегда был конь, несмотря на все перепетии тогдашней сложной жизни. По преданию, он меня – первого своего внука посадил на коня ещё младенцем. Привозил гостинцы, нам с братом Вовкой жестяные пистолетки-браунинги. В них накручивались ленты-пистоны, которые он выдавал нам не все сразу... Отстрелянные пистоны оставляли какой кисло-серный дымок, нежно язвивший нёбо, его запах я помню, кажется, до сих пор.

Основой фамилии Атрохов послужило церковное имя Трофим. Фамилия Атрохов образована от имени Атрох. Это уменьшительная форма белорусского варианта (Трахі́м) крестильного мужского имени Трофим. Оно имеет греческое происхождение и в переводе на русский язык означает кормилец. Святым покровителем этого имени считается священикомученик Трофим Лаодикейский, пострадавший за то, что не отрекся от своей веры в Иисуса Христа. Атрох, со временем получил фамилию Атрохов.

ПЛАТФОРМА. ПЕРЕДЕЛКИНО

Этой лютой зимой
 Мужики на платформе в Переделкино
 Дружно раскрыли ладони-молитвенники
 Кормят с рук синичек –
 Безмолвная проповедь
 Любви и Добра
 Воистину
 Царствие Божие
 Величиной с ладонь
 С зёрнышко
 С крошку

О ВЕЧНОМ

– Дедушка, я тебя люблю!
 – И я тебя, родная!

Так вот окликаем, перекликаемся, аукаемся словами любви, любовью.

Так бы и надо с рождения и до смерти. Со всеми, кого тебе Бог послал!
Ведь так недолог человеческий век.

– Я тебя люблю!

– И я тебя люблю!

Одаривать друг друга бессмертием. Ведь «любовь никогда не перестаёт...»

БОЛЬНО

В прошлом тысячелетье встретил Сашу Соловьева
На перекрестке двух перпендикулярных по-алмаатински улиц
Уже и не помню каких, их несколько раз переименовывали.

Спросил:

– Что пишешь, Саша?

Глядя куда-то в сторону, в небо (астигматизм),

Саша ответил:

– Стихи на немецком.

– Почему на немецком?

– На русском – больно.

УГОЛ ПОЛЁТА

Что-то сердце побаливает, что-то
Небо утреннее журавлями рыдает,
Угол сердца и угол полёта
Всё больнее во мне совпадают.

Там в пустынной лазури небесной
Истончается угол крылатый,
Как мелодия смутная песни,
Жест прощальный, зовущий куда-то.

Была ещё одна улица, которая называлась Оторвановской, край Оторвановки
был расположен в конце усадьбы Атрохова. *(Из записок краеведа)*

СТЕПЬ

Степь – какое короткое странное слово, а обозначает беспредельность!

Степь – и ты словно спотыкаешься и бьёшься по инерции о стену, не смея
сдерживать смыслового хода.

Стена-а – насколько протяжнее...

Стенанье у стены.

А тут степь.

Ударись о невидимую стену, расшибёшься.

И, мешая со слезой теплую пыль, будешь лежать вечность: одинокий, бро-
шенный сын человеческий, пока кузнечик не расслышит тебя и не откликнется
горячим сыпучим шёпотом.

С-с-сссссссс-те пь

– Степь, – спёкшиеся губы прошелестят, степь

Увидел я Белый свет в степной пустыне, в год Бомбы, в 1949 году.

Дом моего русского деда Семёна Михайловича Атрохова стоял на берегу этого океана степи.

«Степь да степь кругом», – пела моя русская бабушка Стеша. Певунья.

– Бабушка, ты сколько песен знаешь?

– Много.

– Ну сколько? Сто?

– Может быть и тысячу.

– Тысячу?! Ого.

Фамилия бабушки Гарькавая, Гарькавая Степанида Антоновна. Родом она из старинного украинского села Полошки, из нынешней Сумской области. А вот оказалась на другом краю Света еще до революции. Такая вот планида. Я думал, что Гарькавый от горечи, от полыни, оказалось от «картавый». Так что моя картавость оказалась генетически обусловленной, наследственной, малороссийская.

СЕЛЕНИЕ У МОРЯ

Повторился сон: селение у моря. Очень красиво. Виноградники. Гроздья чёрного винограда. Срываю крупные виноградины, ем, но при этом испытываю неловкость, виноград не я вырастил. Кто-то из хозяев виноградника передаёт мне лозу – маленький слабый росток. Спрашиваю, как его сохранить... ответ не запомнил.

ЖИВОТИК

Животик – называли мы существо, которое вело себя не слишком скромно и смиренно во время твоей беременности.

Ты говорила:

– Вот её (мы ждали девочку) пяточка. Пощекоти.

И я легонько трогал указанную тобой крохотную выпуклость. И она стремительно убегала.

– Быстрая какая, не догонишь, – восхищался я.

Твой живот разрезали и сшивали раз семь или восемь. Потом уже и не сшивали. Открывали при тебе и промывали... ты вся была открытая рана. Разверстая рана.

Потом было ещё 10 операций. Тебе не повезло. Сердце твоё было как у львицы. Оно только длило твои муки.

Потом тебя перенесли в палату для умирающих, есть такие в Шарите. Ты уже, как бы потеряла все связи с этим светом и ни на что не откликалась. Я стоял у твоей кровати и, плача, говорил:

– Скоро кончатся твои муки, скоро ты будешь там, где нет боли и смерти...

Что-то еще говорил, не помню... я не думал, что ты меня слышишь, я говорил как бы сам себе, себя успокаивая, и вдруг из-под твоего века проступила и истекла услышавшая меня, горяющая, одинокая

Слеза.

ЗА НИМ НЕ УСЛЕДИШЬ

Приснилась маленькая девочка трёх лет. Спрашивает:

– Ну, где Бог, почему я его не вижу?

Я ответил, он здесь и с тобой сейчас, и в другом месте, ведь еще много детей в

нём нуждаются и весь мир, космос, вселенная и многие силы, которыми он должен управлять. Ему надо везде успеть. Он такой быстрый, что за ним и не уследишь.

ДВЕ ИНТУИЦИИ

Мирами правит гравитация.

Нет – жалость.

РУБАШЕЧКА

Первый класс. Сентябрь. Ещё тепло.

Я возвращаюсь из школы домой. Огороды все в оспинах-лунках. Картофель убрали. Жгут ботву. Вкусно пахнут дымки костров. Солнце плавится над чёрной кромкой бора. Над огородами восходит огромная картофелина-луна. Вся изысканная точно такими лунками-оспинами, словно и там на луне лунные жители выкопали свою картошку и, казалось, что запах сухой картофельной ботвы, курящейся по окраинам огородов, шёл и с луны.

На мне шёлковая китайская рубашечка с коротким рукавом, цвета сухой картофельной ботвы. Она мне очень нравится: тоненькая, невесомая, ласковая.

Мама купила мне к школе.

Встречный ветерок легонько теребит рубашечку, залезает под нее, приятно холодит и то замирает, то воркует у самого горла.

Я счастлив так, как никогда в жизни не буду уже счастлив.

ЗВЁЗДЫ ВАН ГОГА

На какие вершины духа надо подняться,

Чтобы увидеть такие звезды как у Винсента Ван Гога.

ДВЕРИ В БУДУЩЕЕ

Двери в будущее в этом мире, к сожалению, открывают «фомкой», а не музыкальным ключом. Коллайдер – это фомка.

А структура и устройство вселенной и всего в ней – музыкальны. Это было уже ясно пифагорейцам. И то, что мы называем душой – музыка. Об этом у Василия Васильевича Розанова есть интересная интуиция: «Все воображают, что душа есть существо. Но почему она не есть музыка? И ищут её “свойства” (“свойства предмета”). Но почему она не имеет только строй?»

Или только музыкальная фраза? 5-6-7 нот, как во второй части 23 концерта Моцарта, от которых обрывается сердце?!

СТЫД

Умён, умён..., а был люто, непоправимо глуп и самонадеян.

Стыд мучительный, заливающий разоблачительной краской, стягивающий кожу лица.

Стыд тот, что горит потом навсегда, изнутри. Напалм стыда.

Стыд, который вьелся в душу и который останется навсегда.

ИНТЕРЕСНЫЙ

Нет более пошлого определения человека – интересный.

РЕШЁТКА

Ушёл в степь за водопад. Так мы мальчишки, называли это место – глубокие с десятков метров вымоины, овраги, что-то вроде микроканьона, поросшего со-сняком и кустами краснотала. В некотором смысле оно для нас было сакральным. Место «сборки». Наших игр в войну, там и взрослые устраивали стрельбище, потом мы находили длинные гильзы, от винтовки, наверное.

Лежал на спине на прогретой степным солнцем земле. Бесконечное, высокое небо. Облака.

Слушал ветер. «Ветер пение – кого и ком?» Почему-то мне, тогда мальчишке-подростку, пришла (откуда?) в голову мысль, что существующий вербально-грамматический способ мышления – ловушка, решётка, несвобода...

А за решёткой что?

То,

что иногда, очень редко позволяет себя расслышать.

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Жил легко, беззаботно, весело.

День за днём торопясь перелистывал, взхлёб.

Кажется, всю мою жизнь перевесила

Горсть земли, брошенная на твой гроб.

ПРИСНИЛСЯ ОТЕЦ

Приснился отец. Еще сороковины не прошли.

Худой, небритый, неряшливый какой-то (чего при жизни никогда не было).

Костюм весь запорошён землёй (могильной, догадался и ужаснулся я).

– Ну как там? – спросил я.

– Худо (именно так), – ответил отец.

Я стал его часто-часто крестить, повторяя:

– Иди к Богу, иди к Богу...

Он ушёл.

Через несколько дней опять приснился.

В аэропорту, в зале ожидания. Стеклопанное высокое здание. Много света. Одет, как всегда безукоризненно, даже щегольски. Сидит за столиком. Самое абсурдное, просматривает газету. Какие Там могут быть газеты?!

Я не подошёл.

И не стал его окликать.

АВТОХТОН

Чёрный-пречёрный,

Обугленный словно сук дерева в саванне,

Сожжённый молнией.

Говорит:

ушли слоны и носороги, и бородавочники,

Деревья исчезли.

Трава отравлена железными чудовищами.

Пусто стало.

Люди плетут веревки из полиэтиленовых пакетов.
Дети не бегают, не играют.
Не поют больше.
Сидят молчат.

ПРОРОЧЕСТВО О НАШЕМ ВРЕМЕНИ

Но слабый человек
Без долгих размышлений
Берёт готовыми итоги чуждых мнений,
А мнениям своим нет места прорасти
Как паутиною все затканы пути
Простых, не ломанных, здоровых заключений.
И над умом его – что день, то гуще тьма
Созданий мощного, не своего ума.
К. Случевский

АВТОСТРАДА

Растёт скорость
Растёт число дорожно-транспортных происшествий
Всё чаще вижу
Жертв скорости –
Раздавленных собак
Подорожник замечаю всё реже
У автострады
Он не растёт

ОСЕНЬ. АЛМА-АТА

Прошумел в ночи
Троллейбус –
Несбывшийся коммунизм
Побежали за ним
Отставая
Золотые
Следы
Листопада

МОЛЧАНЬЕ

Когда-то был и я речист,
А нынче тих и робок,
Слежу за тем, как жёлтый лист
Мне перешёл дорогу.

Был на слова я тороват,
А нынче примечаю,
Что серебром кругом бренчат,
Но золото – молчанье.

РЕЛИКТОВЫЙ БОР

На лесной песчаной дороге
Бегущей меж сосен
Сквозь лес
Детские пятки мои
В пятнашки с пятнами солнца играли
Находили читали
Письмена древние
Рассыпанные на дороге
Ижицы сосновых иголок
Нежно и жалили и жалели
Вот бы снова раскрыть на этой странице
Эту живую вечную книгу
И заблудиться

ТИШИНА

Такая вдруг наступит тишина,
Так тихо нежность сердце пеленает,
Что грезится цветочная страна,
Где ирисы стоят как пеликаны,

Где шмель серчает в чашечке цветка –
Пыльцы цветочной золотой старатель,
Что пусто дно у моего лотка,
А я немало дней моих растратил,

Где паутинка срезом тишины
Дрожит в хрустальном напряженьи кратком,
Где снятся восхитительные сны,
В которых время движется обратно.

ВЕЧНОСТЬ

Когда ты
Меня обнимаешь
Замыкая в кольцо
Свои руки
Вечность
В досаде
Кусает свой хвост

НА ЗАКАТ

Иду на закат
Тень моя
Едва плетётся за мной
Стёрла ноги
Хрошает
Отстаёт

И Я ЧИТАЛ О ГИЛЬГАМЕШЕ

И я читал о Гильгамеше,
Когда перемогал беду.
На глине этот свет замешан, –
Я тоже в глину перейду.

Меня замесят чьи-то ноги
В беспечном танце бытия,
И встанут новые чертоги,
Загадки прежние тая.

И тайна тайн: над зиккуратом –
Новорождённая звезда –
Души моей воскресший атом –
Взойдёт тогда.

ВЕСНА

Вдруг зажглись зелёные точки-звёздочки на серо-чёрных с медной патиной неживых ветвях липы: чудо каждый год повторяющееся, но с каждым разом всё неожиданней, всё невероятней. Чудо, в которое уже не веришь – Весна.

ЛЕТО. МОРЕ

Мы лежим на берегу. Я кладу голову на твой живот и, скашивая глаза, вижу, как высыхает морская вода. Капельки превращаются в крупинки соли и, до того как побелеют, вспыхивают мельчайшей бриллиантовой пылью, вроде звёздной пыли на ночном небе.

Я говорю вслух, как бы самому себе: «Шрам совсем исчез».

– Какой шрам? – откликаешься ты.

И я понимаю, что я умер.

НЕ ОБЛАКА

Не облака,
А просто вата.
Поэзия бывает простовата.

ОСТРАКОНЫ

Ребёнком я часто находил в степи, в окрестностях дома разнообразные черепки, осколки фаянсовой посуды. Самые красивые, глазурированные, с орнаментом, я собирал в свою сокровищницу. Только недавно страшная догадка поразила меня: ведь эти черепки я находил на месте бывших жилищ, здесь когда-то жили люди, была целая улица домов, таких, как у моего деда. Их изгнали, раскулачили, уничтожили. Остались только черепки, разноцветные осколки-остраконы, – так древние греки называли подобные черепки, которыми они голосовали за изгнание со своей родины неугодных людей. Подвергали, так сказать, остракизму. Сколько же людей подвергли остракизму только за этот страшный, ненадежный век! Где-нибудь в Поволжье какой-нибудь мальчик на месте родительского дома моего отца нашел или еще найдет битые черепки, осколки посуды. Может быть, он задумается, что за люди жили здесь, и почему их больше нет.

БИСЕР

Стеклянный звон градин – небо мечет бисер.

ПИСЬМО НА ЯПОНСКОМ

Сухая плеть дикого винограда на стене дома напротив
 Вдруг покрылась зелеными листочками-иероглифами
 Словно кто-то записал по-японски
 Спонтанно пришедшие строки
 Зелёной тушью

ПРОДАННЫЙ СМЕХ

Ухмылка Абрамовича. На физиономии олигарха-сироты белесые, каким-то нездешним солнцем выжженные, inferнальные следы. Выменял-таки смех у мальчишек 90-х на клей БФ и пластиковый пакет.

ВОПРОСЫ

Где я была?
 Почему я родилась?
 Где я была до рождения?
 Вопросы шестилетней Софийки.

РОЖДЕСТВО

Взрывом дом разворотило так
 что он превратился в подобие страшной серой розы
 Стены в цементной пыли
 Сложились, грозящими всё раздавить,
 Бетонными плитами-лепестками.
 Шипы арматуры вонзились в морозный воздух.
 И в чреве этой адской розы
 Жемчужиной жизни
 Светился Младенец.
 Спасатели в касках –
 Волхвы,
 Всё те же:
 Каспар Мельхиор Валтасар

ПЕСОК

Песок был странного, почти неземного цвета: оранжевого с синим оттенком. Возможно, структура песчинки кристаллическая, кремневая, стеклянная позволяла встретиться на своих рёбрах-зеркальцах морю, солнцу и небу одновременно, и встречи эти столь частые, с неразличимыми промежутками времени, сливали эти дробные излучения в этот цвет. Качество этого песка было таково, что ходить по нему было неприлично, его должно было засыпать в стеклянные конусы песочных часов, которые старинные мастера заключали в серебряные оковы. И измеряли они не суетливую обыденную жизнь, а процессы алхимических превращений, например свинца в золото.

Ты сняла туфли и пошла босиком по прибрежному песку к городу.

СЛЕДЫ

На что похожи отпечатанные в золотом пляжном песке следы твоих ступней? Маленькие, почти детские, они что-то мне мучительно напоминали...

Казалось, что если я найду (вспомню) соответствие этим следам и закорочу точной и ослепительной метафорой находку с тем, что я когда-то увидел на забытом берегу, включится обратный ток времени и воскреснет тот день.

– Не отставай, – сказала ты мне, обернувшись, – где-то неподалеку должен быть музей детской игрушки. Помнишь?

Смуглые, маленькие, детские, они были похожи на золотых рыбок, ныряющие в прибрежный песок и вынырывающие, плывущие хвостами вперёд... почему так, подумал я, ах да, – потому что против Времени...

Только смотреть на море, на разбрызганное по нему солнце, жмурясь от перебегающих мгновенно по поверхности, слепящих и жалящих зренье искр.

Деревья-медоносы. Каждое дерево – гудящий рой. Роща медового шума. «Зелёного», но больше медового. Деревья похожи на палочки с намотанной на них сахарной ватой – детской радостью. Рядом море – Средиземное море. Остров Родос, остров – радость!

– Пшик, – скажет волна,
Накатившись на берег.
– Пшик, – и отпрянет,
И снова накатит
И опять:
– Пшик...
Море читает Екклизиаста.
Все – суета сует и ловля ветра.
Всё – пшик...

СИЗИФ В ОТПУСКЕ

По берегу, усыпанному мелкой галькой и крупными, обкатанными волнами, Булыжниками похожими на черепа, шла пара. Он – высокий и бронзовый античного калибра, чтобы зря не тратить время, прихватил с собой один из этих булыжников и неспешно качал поочерёдно то правый, то левый бицепс. Всё-таки не греческий бог, а качок! Но море что-то декламировало гекзаметром, а чайки бросали что-то на камни, как во времена Диогена, меня так и подмывало спросить проходящего мимо:

«И это твой камень, Сизиф?!!»

Камушки в воде россыпи драгоценных камней. На солнце – серая галька.

Лифт. Подъём на этаж нового сна. Оказываюсь в каком-то странном месте.

Скажем так, в «марсианском» городе (как у Бредбери). Пустом, чудесном, чистом. В сумеречном парке или сквере. И, как это часто случается, понимаю что я вижу сон, я во сне. Говорю себе: «взгляни на свои руки» (это чтобы сон

стал управляемым). Вижу свои руки, а значит в это «время», в этом сновидении я могу всё!.. чувствую, что хочу и могу и всем своим существом жажду взлететь. И уже знакомый мятный холодок восторга и счастья охватывают всё моё существо. Я взлетаю. Переворачиваюсь на спину, поднимаюсь всё выше и вижу над собой звёзды. И набирая высоту, лечу «по небу полуночи».

Два часа, я сказал, был в полёте и усмехнулся, как самолёт. Я шучу во сне чаще, чем наяву. Опять всё началось вдруг. Были брат и сестра. Я показал, как взлетаю в комнате, подъём, зависание. Потом вылет в небо. Молитва. Возвращение. Какой-то цветок, похожий на подсолнух.

ВСТРЕЧА

Встретил Валеру Михайлова на дороге. Он, меня оглядев, сказал: «Ну ты совсем опростился». И показал на мои ноги.

Я посмотрел, ноги босые.

Он ушёл. Я, озадаченный, остался стоять.

Так и разошлись во сне.

БЕЗДНА

Слава Богу, у нас (людей) не достаёт воображения представить себе Бездну, Которая под нами, над нами, слева и справа.

Представить, что «...мы плывём, плавающей бездной со всех сторон окружены...»

Иначе бы мы умерли от разрыва сердца.

НА СТРЕЛЕ СТРОИТЕЛЬНОГО КРАНА

На стреле строительного крана расположилось множество птиц. Время осени. Время птичьих слётов и симпозиумов. Удивительно, как это великое множество разместилось, вполне демократично, на таком ограниченном участке. Прохожие останавливаются, задирают головы, фотографируют, прислушиваются. Пытаются понять, что обсуждают птицы? Может быть, погоду или экологию...

Может быть, маршруты предстоящих перелётов? Похоже, птицы собрались обсудить насущные дела.

Что же люди?

Подняли на мгновение головы к небу.

И опять кто куда в городскую суету.

УСТРОЙСТВО АДА

Устройство ада у Данте, особенно в иллюстрации Боттичелли, зрительно напоминает карьер по добыче алмазов в Якутии – циклопическое и спиралеворонкообразное Нечто.

Или змеевик алхимического аппарата для дистилляции душ грешников.

ВЗГЛЯД

Пылинки в солнечном луче кажутся ребёнку и поэту звёздными мирами, вселенными, и это нисколько не противоречит новейшим космогоническим теориям. Может быть, звёзды этим взглядом и зажигаются. Ведь «...это кому-нибудь нужно».

ГОРЫ

В названии города моей юности Алма-Ата две заглавные «А» как две белоглавые, оснеженные вершины Алатау. Горы, как кто-то сказал, вечное напоминание о детстве мира. Когда я впервые увидел горы, мне показалось, что они парят над городом. В них было что-то не подчиняющееся законам гравитации.

ЗЛО И ПАСКАЛЬ

Я домосед. Не просто домосед, а домосед идейный.

Кажется, Паскаль сказал, что если бы люди реже выходили из дома, зла в этом мире поубавилось...

Кажется, так или близко по смыслу.

Так что я, по крайней мере, не добавляю этому во зле лежащему миру своей толики зла, которая, конечно же, во мне присутствует.

Улица обладает способностью в иных случаях синхронизировать и складывать все эти дробы зла в одно целое.

Но даже не выходя из дома, никто не застрахован от зла. Был такой сюжет в новостях из бывшего моего города. Погромы на улице. Разбитые стёкла. След пули над головой мальчика, чудом не задевшей его.

ОТЦОВСКАЯ РУБАШКА

Когда находишь в шкафу
Старую отцовскую рубашку
Прижимаешь её к лицу
Как флаг исчезнувшей империи
За которую так и не пришлось умереть
Вдыхаешь забытый и родной запах
И заново учишься плакать

ГЛИНА

Говорят, Лазарь
После воскрешения
Не смеялся,
Только однажды,
Когда услышал,
Что у горшечника украли горшки,
Что сушились на кольях его забора:
– Глина глину украла у глины, –
Так он сказал, рассмеявшись.

ГОЛУБКА

Приснилась мама и белая, белая голубка.

Я глажу голубку осторожно по головке. Она не дичится.

Кормлю её хлебом. Мелкие крошки она склёвывает, а крупные нет.

Вдруг я замечаю, что у голубки человеческое, детское лицо.

Я приобнимаю её, очень осторожно, нежно.

И вдруг голубка (Или?) как бы срыгивает хлеб и движением головки предлагает его мне.

СТАРИКИ И ДЕТИ

Старики и дети
 Жители одной планеты
 Только
 У детей выбелило волосы
 Солнце
 А у стариков – время

О РАССТОЯНИИ

Гравитация: чем дальше от источника,
 Тем слабее.
 Электромагнитное излучение:
 То же самое.
 Ядерное:
 Аналогично.
 А Бог?!
 Какое расстояние между Ним и мной?
 Бесконечное,
 Когда я не верю.
 Если верю – Бог рядом, во мне.
 Вера меняет топологию пространства-времени.
 И она не подчиняется физическим законам.

СОН О МОРЕ

Скалистые берега.
 Чистая, шёлковая, пронизанная солнцем вода.
 Не вода,
 А остановившееся время счастья.
 Плывём.
 ...сказала мне тогда:
 До понедельника, до послежизни,
 До свида...
 Нет, до всегда.

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество – чувство, сопутствующее мне всю жизнь, что-то вроде тени.

МУЗЕЙ ИГРУШКИ

Музей игрушки был похож на кубик Рубика, такой же новенький и весело цветной. Кажется, что какой-то Гуливер, похрустывая, крутил его в своих гуливерских руках.

Потом это занятие ему наскучило, и он просто выронил его и пошёл дальше по своим гулливерским делам. А недокрученный и недоверченный кубик с торчащими и раскрашенными во все цвета радуги рёбрами и сторонами превратился в странное здание. Наверное, подобные сооружения и должны сниться детям в их разноцветных снах.

Входные двери бесшумно разъехались в стороны, впуская нас.

ДА И НЕТ НЕ ГОВОРИТЬ

«Вычитал у Гоголя в “Портрете”, что законы естественной истории являются средством Божиим, ограждающим нас всех от проникновения в нашу жизнь чудес антихриста. Значит хоть и нет на свете “чудес”, но самые законы природы, не допускающие этих “чудес”, сами по себе являются чудом божественного происхождения. Не то же ли самое пытаюсь я найти в преодолении человеком машины? Посредством законов природы силы ада и неба вступили между собой в борьбу. Законы даны против дьявола. Магии, но дьявол их обратил на соблазн человеку. Машина стала повелевать...» (Михаил Пришвин, дневники)

И венец машины – компьютер! Сами себя загнали в двоичную систему (0, 1), («Да», «нет»), служим ей уже рабски, превращаем её в религию, культ. Как древние иудеи сотворили золотого тельца, чтобы отгородиться, заслониться им от Бога, так и мы – компьютер. А ведь даже в детской (реликтовой) считалке есть предупреждение или даже табу: «да и нет не говорить».

СЕБЯЛЮБИЕ

Я прожил путанную и грешную жизнь. И до сей поры тащу за собой шлейф прошлых увлечений, горестей и ревностей. Одним словом – страстей.

Корни всей этой душевной мути в себялюбии.

И чем её искоренить или поглотить? – не знаю.

Думал, что всё в прошлом, но сны возвращают это прошлое в странной преувеличивающей и искажающей оптике, и душа болит.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОДИНА

Тоска по внеисторической родине.

Жажда (жгучее желание) «В крове Бога небесного водворится» (Псалом 90)

Вот что сосёт душу.

И сколько раз в мгновенья счастья чувство, что ты «не по чину» освящен, пробившимся сквозь плотную облачность «нашего света», лучом нездешней благодати. И луч этот, на мгновение «поймавший» тебя, недостойного, потому что краток, что ты случайно оказался в его фокусе.

«ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ» ИЛИ ВСТРЕЧА С МИЛОШЕМ

Услышал эту мелодию

В подземке на Heidelbergplatz.

Акустика здесь не хуже чем в концертных залах.

Звук просто хрустальный

И кажется светится.

Грудной голос баяна.

Уличный музыкант.

Футляр нараспашку.

Горстка монет.

И сердце сосущий

До сладких спазм

Плач по утраченной родине –

Полонез.

И мы
 Два пришедших на эту мелодию странника.
 Постояли
 Бросили по монетке.
 И, скрывая слёзы,
 Разошлись,
 Не сказав и слова
 Друг другу
 Вы, пан Чеслав, по-польски
 Я – по-русски

БЕЗ ШИНЕЛИ

В который раз я у справочного оконца (застрял всё в том же транзитном пункте). Меня теснят со всех сторон. Пытаюсь задать вопрос. Администратор игнорирует меня. Наконец я оказываюсь напротив неё. Произношу: «Ich habe eine Frage (при этом понимаю, что она говорит по-русски)... Смотрит мимо меня. Тогда я ей прямо в лицо бросаю грязное ругательство. У неё тут же находится дюжий защитник, который оттаскивает меня от справочного в сторону. Я сопротивляюсь, чувствуя страх и унижение от того, что не сдержался и влип в историю. Будут бить. Просыпаюсь с захлёбывающимся пульсом. Думаю про себя: «Ну что, Акакий Акакьевич, каково оказаться без шинели?!»

ГАДЖЕТЫ

Есть в этом слове нечто хтоническое, смертельно опасное. «Хищные вещи века», обозначенные этим словом, родила современная цивилизация, по мысли Бердяева – безрелигиозная, но от этого не менее замифологизированная и иррациональная. И какой «дудочкой» их потом ты усыпить сможешь, человек, когда их стекловолоконные тела весь мир оплетут?!

В самом этом «гад-же-ты» есть уже вполне определенное обращение к человеку, таящее смертельную угрозу.

СПОР

Приснился сон про смыслы и красоту. Мой спор с инженером. Он говорит: «Я создаю станки, механизмы, машины, цивилизацию, а ты, лентяй, что?». Я ему в ответ: «Я привношу (создаю) смыслы и красоту в данном месте, а значит и во всей вселенной». Потому что, как кто-то сказал, вселенная это сфера, центр её – везде, а окружность – нигде.

КАМЫШИНКА

Чёрно-синий, фиолетовый, фиалковый небесный свод. По нему то и дело пробегают светящиеся и слепящие трещины – молнии. Погромыхивает гром. Бесконечные жёлтоспелые подсолнуховые поля. Сосновый бор. Село Камышинка. Возвращаемся домой от дяди Васи, маминого брата. За рулём папа, рядом с ним мама. Мы, дети, на заднем сиденье все вместе: я, брат, сестра. Ещё полный семейный круг. Пахнет послегрозовым озоном. Жизнь свежа и ласкова еще к нам. И Ласточка чертит круг за кругом, почти задевая подсолнухи.

Впереди у горизонта вспыхивают и гаснут зарницы.

Стократ благороднее тот
Кто не скажет при блеске молнии
Вот она – наша жизнь

СВЕТ

Видел Ю. П. Кузнецова. Сказал ему: «хорошо выглядите, Юрий Поликарпович, лицо светлое». Он с сомнением переспросил: «Светлое?»

– Да, светлое.

Говорили про иконы, цвет. Я сказал, понятно, откуда вышел весь русский модернизм.

УРОВЕНЬ

Зачем, Господи, меня старика
С глазами полными слёз
Прикладываешь к этому миру
Словно плотницкий уровень?
Совершенны Твои дела, Господи,
И Твой глазомер совершенен
Зачем я Тебе?!

ГЛУБИНА

Если есть в тебе глубина, то в неё неизбежно заглянут звёзды.

КАТАНИЯ НА БЕРЁЗАХ

В детстве мы ходили в лес по соседству кататься на берёзах. Облюбовываешь себе березку, взбираешься к верхушке и, качнувшись там, повисаешь, сгибая своей тяжестью, ствол по параболе. Сгибается березка и опускает тебя благополучно на землю, словно зелёный или золотой парашют (в зависимости от времени года).

Почему-то Господь не попустил тогда, и я не разбился.

Я был маленький, глупый и в детской своей гордыни влез на самую высокую березу. Мне не хватило веса, чтобы согнуть ее и спуститься на землю. Я повис между небом и землёй и неминуемо расшибся бы (возможно, до смерти), уж очень высокая была берёза. Но Господь устроил так, когда ослабили мои руки, то пересадил меня на меньшую берёзку, и она меня по-матерински ласково отпустила на землю.

Я отделался лёгким испугом.

Вот так Бог взвесил мою гордыню, она Ему показалась глупой, детской. Он улыбнулся и простил меня, чтобы я через много лет, уже стариком понял величайшую заповедь: «Не искушай Господа Бога твоего». Он знает твою жизнь от альфы до омеги, от начала до конца.

ПИРАНЕЗИ

Руины Пиранези выглядят как города после бомбёжки, но не атомным оружием, а Временем. Они реально нереальны, как в кошмарных сновидениях. И у снов есть своя география и своя архитектура.

